

Раздел 1.

44 Лексическая и категориальная семантика. Славянская аспектология

17. Лейчик В. М. Особенности функционирования терминов в тексте // ФН, №3, 1990.
18. Лемов А. В. Компоненты системы научного термина как лексической единицы // Лексикология и лексикография русского языка. — М., 2001.
19. Липатов А. Т. Метаязык лингвистики: таксономия и кодификация лингвистических терминов // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. — М., 1995.
20. Минавичев В. С. Фонетическая терминология в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. — М., 1964.
21. Ольшанский И. Г. Лексическая полисемия: возможности и перспективы ее исследования с когнитивных позиций // Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. — Тамбов, 2000.
22. Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М., 1997.
23. СРЯ — Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. — СПб., 1999.
24. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. — М., 1989.
25. Толикина Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М., 1970.
26. Хохлачева В. Н. К соотношению номинативных свойств существительных и образования терминов // Терминология и культура речи. — М., 1981.
27. Ярцева В. Н. Научно-техническая революция и развитие языка // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. — М., 1977.

Статья поступила в редакцию 14 июня 2004 г.

УДК 811:37.02

М. Д. Тагаев

МОРФЕМНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ТИП КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ОПИСАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА

Вопрос о составлении словарей, предназначенных для изучения иностранных языков, впервые был поставлен Л. В. Щербой. Причем, важно заметить, что Л. В. Щерба видел специфику таких словарей в том, “чтобы наглядно показать тот факт, что слова одного языка в большинстве случаев не просто соответствуют словам другого языка, а находятся с ними в весьма сложных и многообразных отношениях”*. Поэтому “обычные переводные словари не дают настоящей

* Л. В. Щ е р б а. Языковая система и речевая деятельность. — Ленинград.: Наука, 1974. — С. 305.

го знания иностранных слов, а лишь помогают догадываться об их смысле в контексте”*

Эти глубокие мысли Л. В. Щербы позволяют сделать вывод о том, что словарь для изучения иностранных языков должен не *переводить*, а, говоря языком современной науки, *вводить* читателя в систему категоризации мира средствами изучаемого языка, научить человека “в меру своего знания иностранного языка думать на нем”**.

Одной из форм системного представления лексики является учет словообразовательных связей слов. Данный тип связей относится к числу языковых универсалий, так как относится к любому языку и охватывает всю лексику в целом, основная масса слов включается в словообразовательные связи. В отличие от систематизации лексики путем создания тематических групп или синонимических рядов словообразовательные связи имеют материальную опору в виде формально выраженных тождеств, отраженных в общем корне сочленов словообразовательного гнезда или в едином словообразовательном средстве, актуальном в ряду одноструктурных слов. В нашем понимании гнездо однокоренных слов помещается между двумя полюсами: семиотикой языка и семиотикой культуры. Плеонастичность первого выражения очевидна: язык и без того семиотическое явление. Между тем в выражении “семиотика языка” подчеркивается идея семиотических механизмов, заложенных в языке и сродных с аналогичными механизмами в культуре — также глубоко семиотическом явлении. Концентрация внимания на феномене гнезда слов в этом теоретическом контексте может прояснить некоторые закономерности семиозиса как культурной деятельности человека, стремящегося осмыслить и “картировать” мир***. Ключевое свойство языка, проявляющееся в этом процессе — системность. “Картирование” мира также представляет собой систематизацию, множественную категоризацию окружающего пространства.

Явление гнезда однокоренных слов в европейской традиции вызывало интерес в двух аспектах: в рамках этимологических исследований, а также как способ организации и подачи слов, употреблявшийся в практической лексикографии. Как известно, В. И. Даль долго размышлял над формой организации словника. Говоря об азбучном порядке расположения слов, Даль отмечает: “...всякая живая связь речи разорвана и утрачена; слово, в котором не менее жизни, как и в самом человеке, терпнет и коснеет”****. В то время, как гнездовое расположение делает отношения между словами “яснее”, и мы “усваиваем себе легче утраченный нами дух языка”*****.

Даль настаивал на том, что гнездовое расположение раскрывает “дух языка”, и это нельзя назвать случайной метафорой. Даль в связи с “духом языка”

* Л. В. Щерба. Указ. соч. — С. 300.

** Л. В. Щерба. Указ. соч. — С. 307.

*** Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Изд-во РАН, 1997. — С. 51.

**** Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1 М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. — XVIII.

***** Даль В. И. Указ. соч. — XX.

ставит перед гнездом важнейшую задачу: раскрыть связь языка с “жизнью” и “общими законами рассудка”. В этом нашла выражение натуралистическая направленность философии Даля. Подача языка как системы должна сводиться для Даля не к установлению грамматических правил, а к ориентации на естественное положение дел в окружающей жизни, к “органическому” рассмотрению лингвистических явлений. Показательно, что именно гнездовая модель становится адекватным механизмом такой интерпретации языка: “Кажется, будущая грамматика наша должна будет пойти сим путем, то есть развить наперед законы этого словопроизводства, разумно объяв дух языка, а затем уже обратиться к рассмотрению каждой из частей речи. В деле этом такая жизненная связь, что брать для изучения и толковать отрывочно части стройного целого, не усвоив себе наперед общего взгляда, то же самое, что изучать строение тела и самую жизнь человека по раскинутым в пространстве волокнам растерзанных членов человеческого трупа”*. Присупая к конструированию своего гнезда, Даль выполняет обещание следовать “естественности”, а не “грамматичности” описания.

Гнездовой подход Даля отвечает ассоциативным измерениям человеческого сознания, так как выстраивает понятия и действия в логике актуальной значимости для человека, владеющего данным языком. Даже если словарь будет строиться не по гнездовому принципу, а по алфавитному, в подсознании носителя языка в той или иной мере проступает ассоциативная гнездовая цепочка.

Философия языка Даля перекликалась с ранними трудами А. А. Потебни, который также поднимал проблему гнезда однокоренных слов в качестве модели интерпретации единства языка и “жизни”. И для Потебни, и для Даля категория “жизни” воплощает идею культуры, системы смысловых отношений, устанавливаемых человеком в окружающем мире. У Потебни “дух языка” формирует и оформляет духовную деятельность народа, практическую мировоззренческую и миромоделирующую деятельность. Культурообразующий фактор языка, как системы, заключается в его способности в процессе человеческой деятельности наложить на *нечто окружающее* систему значимых отношений, преобразовав это *нечто* в собственно мир, культуру.

Роль гнезда для изучения культуuroобразующей роли языка становится еще более ясной на фоне учения о слове как средстве апперцепции. Внутренняя форма слова представляет собой зафиксированный акт апперцепции (зафиксированный, но не закопсевший, — постоянно актуальный в культуре). А как известно, апперцепция “есть участие известных масс представлений в образовании новых”**. Какова же специфика этого “участия” в пространстве внутренней формы слова? На этот вопрос Потебня отвечает, когда говорит о внутренней форме слова как акте предикации вещи, таинстве введения вещи в видимый (культурно) мир. Некая новая вещь в конкретном акте аксиологической деятельности апперцепируется культурным сознанием, проще говоря, воспринимается на фоне уже познанного. Сущностью этого восприятия “на фоне” является

* Даль В. И. Указ. соч. — XXI.

** Потебня А. А. Мысль и язык. М.: “Лабиринт”, 1999 — С. 126.

введение вещи в некоторую значимостную ситуацию (возможно, довольно конкретную), функционирование в которой актуализует те свойства, которые оказались ценностными для культурного субъекта в момент познания вещи. В целом апперцепция Потембной понимается как всеобщий культурный механизм миропонимания, миромоделирования, что представляется значимым для нашей работы.

Таким образом, идея гнезда состоит (1) в формировании (оформлении) некой ситуации, (2) так что каждый член маркирован общей идеей, заданной корнем. Важно также, что эта ситуация формируется в результате длительного культурного процесса. Следовательно, знание, заданное в гнезде, представляет собой некую прецедентную инвариантную ситуацию, а не случайно зафиксированные отношения. Естественно, инвариантные, прототипичные ситуации в культуре формируются не только в гнезде однокоренных слов. Между тем, если вдуматься в явление маркированности некой ситуации общей идеей, то трудно найти более удобное средство маркирования, нежели общий корень.

Допустим, вещь предидеирована, т. е. ей приписан комплексный признак — функционирование в определенной ситуации. Словари последних лет зафиксировали появление в русском языке слова *внедорожник*, которое обозначает “автомобиль (преимущественно “джип”), способный ездить по труднопроходимой местности, по бездорожью, вездеход”*, хотя сходная прототипическая ситуация уже была обозначена словом *вездеход*. (*Вездеход* — это “автомашина для передвижения по труднопроходимой местности, по бездорожью, по снежной целине”). Чем же вызвано появление нового слова для обозначения вещи для функционирования в той же ситуации? В данном случае изменилась не ситуация, а то, что в данной ситуации используется вещь из другой культуры. Как правило, внедорожники — это автомобили иностранного производства, иномарки, обладающие повышенной проходимостью.

Таким образом, изменение статуса вещи в данной ситуации значимо с точки зрения человека и дает вещи право на бытие. Категоризации вещи появление у него нового названия может складываться из разных прототипических признаков ситуации. Пользуясь критерием Винокура, дадим иное описание прототипической ситуации, которая лежит за словами *вездеход* и *внедорожник*. Вездеход — это автомобиль, который может передвигаться (*ходить*) *везде*, в том числе по труднопроходимой (для обычных автомобилей) местности, а также там, где отсутствуют дороги. В данной ситуации актуальными значимыми прототипами в сознании носителя языка для создания наименования станут слова *ходить* и *везде*, в которых латентно присутствует значение всей прототипической ситуации. Слово *вездеход* применимо для отечественных автомобилей.

Когда появились автомобили иностранного производства, джины, возникла необходимость иначе обозначить эти вездеходы. Внедорожник — это не просто наименование автомобиля повышенной проходимости, а обозначение новой прототипической ситуации, которая актуализирует в сознании носителя

* Толковый словарь современного русского языка / Языковые изменения конца XX столетия. Под редакцией Г. Н. Складневской. — М.: Астрель, 2001. — С. 143.

языка такие прототипы, как *автомобиль иностранного производства, обладающий большой мощностью и способный двигаться по бездорожью, вне дорог с комфортом*.

Таким образом, новая вещь апперципируется на базе новых структур знания и включается в систему другого словообразовательного гнезда. Сравните, *ходить — везде/ход* и *дорога — вне/дорожник*. Следовательно, знание, заданное в гнезде, представляет собой некую прецедентную инвариантную ситуацию, а не случайно зафиксированные отношения.

В рамках когнитивно-дискурсивного направления иначе осмысляется роль деривационного компонента в процессе познавательной деятельности человека, вербализации его духовной жизни и восприятию мира*. Потенции производного слова рассматриваются в деятельностном ключе: как направленная мотивационным содержанием языковой формы концептуальная активность человека.

Словообразовательное гнездо как способ оптимальной организации лексики не могло не привлечь внимания составителей словарей. Словарная подача лексики должна учитывать один серьезный нюанс. Восприятие мира человеком глубоко системно, потому мы можем говорить о картине мира, а не о наборе категорий. Словарь тогда будет эффективным, когда он будет отсылать человека к системной организации мира, взаимодействовать с этой системностью, открывать ее. Другая проблема, какую из форм лексической системности предпочесть. На сегодняшний день в лингвистике выработан ряд версий организации лексики: синонимия, антонимия, гипо-, гиперонимия и существуют и соответствующие словари. Деривационные отношения, запечатленные в гнезде, тоже вариант системной организации лексики. Нам кажется, что именно гнездовая систематизация лексики наиболее удобна для лексикографической практики, так как деривационная система выкристаллизована самим языком (как семантически, так и формально). Эта система наиболее эксплицитна, так как является результатом естественной систематизации лексики и способом естественной категоризации мира. Если в словаре для носителя родного языка можно и проигнорировать этот фактор картины мира, то для иноязычного сознания апелляция к этой категории становится основополагающей в процессе вхождения в чужой язык. Необходимость создания специальных словообразовательных словарей для иноязычного читателя обусловлена тем обстоятельством, что другие типы словарей обращают главным образом внимание на толкование и семантизацию отдельного слова, не оставляя места для показа формальных и смысловых связей между словами, что объясняется недооценкой мотивационных связей лексики. Разные научные подходы к описанию словообразовательного гнезда отразились на проблемах создания словообразовательных словарей, специально ориентированных на иноязычных читателей. В лексикографической практике для нерусских в основном были реализованы формальный и формально-семантический подходы к описанию однокоренных слов. Данные

* К у б р я к о в а Е. С. Язык и знание. М.: "Языки славянской культуры", (Язык. Семиотика. Культура). 2004. — С. 393. (Язык. Семиотика. Культура).

словари ставили перед собой образовательные задачи и связывались с повышением лингвистической компетенции носителей неродного языка.

В основе разрабатываемого нами русско-киргизского гнездового словообразовательного словаря лежит когнитивно-дискурсивный подход. Специфику словообразовательного словаря для нерусских составляет то, что он, с одной стороны, эксплицирует движение мысли, мотивационные связи, которые привели к созданию данного слова. С другой, путем включения слова в дискурсы словарь отражает его связи со внеязыковой действительностью, с ситуациями общения. В целом такой словарь выстраивает ассоциативно-мотивационную и культурно-языковую морфемно-словообразовательную концептосферу неродного языка, отражая понятия и концепты, актуальные с точки зрения носителя русского языка. Он учитывает особенности киргизского языка, отражает в некоторых случаях сопряжение языковых картин мира этих двух контактирующих языков и представляет попытку создания пособия, который призван удовлетворить как познавательные, так и коммуникативные потребности читателя. Особенности словообразования позволяют ориентировать данный словообразовательный словарь на разные виды речевой деятельности. Он может быть использован, с одной стороны, для решения рецептивных задач (понимание и распознавание текста неродного языка), с другой — продуктивных (говорение, письмо, перевод с киргизского языка на русский).

Первая часть словаря отражает в семасиологическом аспекте формальную морфемно-словообразовательную мотивацию и семантические отношения между однокоренными словами, показывает, как, с помощью какого словообразовательного средства и от какого слова образовано искомое.

Во второй части данный словарь эксплицирует морфемно-словообразовательную концептосферу, которая отражает картину и параметризацию окружающего мира в сознании носителя русского языка. Включение искомого слова в тестовые задания, в различного типа дискурсы, демонстрация примеров на употребление однокоренных слов вытекает из практического требования Л. В. Щербы к составителям словарей: “не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров”*. Предназначенность данного словаря для нерусских проявляется в том, что здесь нет заданий на “языковое творчество” тех или иных слов. Это означало бы неверную, ошибочную категоризацию окружающего мира.

В своей иллюстрирующей части словарь постепенно вводит читателя в элементарную морфемно-словообразовательную концептосферу русского языка и тем самым закладывает базу для ее расширения. Для иллюстрации составляется текст, который пронизан лексическими единицами, связанными отношениями словообразовательной мотивации. Это позволяет, с одной стороны, проследить за развитием исходного смысла в производных словах, увидеть семантические различия между однокоренными словами, с другой — обратить внимание на дискурсивное использование дериватов в той или иной ситуации. За-

* Л. В. Щ е р б а. Языковая система и речевая деятельность. — Ленинград.: Наука, 1974. — С. 285.

н(ым), так как в яркую солнечную погоду можно увидеть противоположный (R...).

Словообразовательный словарь подобного типа носит подлинно информативный и обучающий характер. Данный словарь 1) тщательно отбирает свой словник и формирует состав словообразовательных гнезд с учетом учебно-методической целесообразности и ценности лексических единиц, 2) содержит справочные сведения о морфемно-словообразовательном членении, ступенчатом характере и выводимости производных слов русского языка, 3) путем перевода или толкования вводит пользователя в семантическое пространство, образуемое однокоренными словами, 4) показывает употребление и активизирует производные слова в различных ситуациях общения и дискурсах.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2004 г.

УДК 81.373

Р. Я. Токмеджи

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ СУФФИКСАЛЬНЫХ ОТАДВЕРБИАЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ

Постановка проблемы. Суффиксальным способом от наречий активно производятся наречия с субъективно-оценочными (модификационными) значениями ласкательности, уменьшительности, увеличительности. Данные наречия создаются в современном русском языке с помощью суффиксов:

- оньк-/еньк- с оттенком усиительности, например: давно — давн-еньк-о, жалобно — жалобн-еньк-о, мало — мал-еньк-о, гладко — глад-еньк-о, ласково — ласков-еньк-о, спокойно — покойн-еньк-о, светло — светл-еньк-о, близко — близ-еньк-о, хорошо — хорош-еньк-о, сладко — слад-еньк-о, долго — долг-оньк-о, легко — лег-оньк-о, мягко — мяг-еньк-о, высоко — высок-оньк-о, глубоко — глубок-оньк-о, жарко — жарк-оньк-о, много — мног-оньк-о, плохо — плох-оньк-о;

-охоньк-/ошеньк- с оттенком ласкательности, например: бело — бел-ешеньк-о, бел-ехоньк-о, близко — близ-ехоньк-о, близ-ешеньк-о, гладко — глад-ехоньк-о, глад-ешеньк-о, грустно — грустн-ешеньк-о, грустн-ешеньк-о, давно — давн-ехоньк-о, давн-ешеньк-о, красно — красн-ехоньк-о, красн-ешеньк-о, мокро — мокр-ехоньк-о, мокр-ешеньк-о, полно — полн-ехоньк-о, полн-ешеньк-о, рано — ран-ехоньк-о, ран-ешеньк-о, скоро — скор-ехоньк-о, скор-ешеньк-о, хитро — хитр-ехоньк-о, хитр-ешеньк-о;

-оват-/еват- с общим значением ослабленности признака: бедно — бедн-оват-о, бело — бел-оват-о, вяло — вял-оват-о, грубо — груб-оват-о, глухо — глух-оват-о, грустно — грустн-оват-о, глупо — глуп-оват-о, далеко — далек-оват-о, мало — мал-оват-о, много — мног-оват-о, поздно — поздн-оват-о, страшно — страшн-оват-о, сухо — сух-оват-о, трудно — трудн-оват-о, туго — туг-оват-о, хитро — хитр-оват-о;